

- ⁹ Ивановская П. С. В боевой организации // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 130.
- ¹⁰ Там же. С. 133.
- ¹¹ См.: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 102.
- ¹² См.: Ивановская П. С. Указ. соч. С. 134.
- ¹³ Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 120.
- ¹⁴ См.: Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 150.
- ¹⁵ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁶ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991. С. 122.
- ¹⁷ Городницкий Р. А. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁸ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁹ См.: Спиридович А. И. Указ. соч. С. 190.
- ²⁰ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 76.
- ²¹ Там же.
- ²² Ивановская П. С. Указ. соч. С. 123.
- ²³ Там же. С. 129.
- ²⁴ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 109.
- ²⁵ Гейфман А. Указ. соч. С. 79.
- ²⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 86.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 7.
- ²⁸ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 151.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 6.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Ивановская П. С. Указ. соч. С. 129.
- ³³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 21.
- ³⁵ Там же. Л. 45.
- ³⁶ Там же. Л. 71.
- ³⁷ Там же. Л. 77.
- ³⁸ Там же. Л. 78.
- ³⁹ Ивановская П. С. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁰ Там же. С. 173.
- ⁴¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 123.
- ⁴² Герасимов А. В. Указ. соч. С. 152.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Гейфман А. Указ. соч. С. 297.
- ⁴⁵ См.: Шишкин М. П. Русская Швейцария. М., 2011. С. 379.
- ⁴⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁷ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 152.

УДК 94(420+47+57)

ИРАНСКИЙ ФАКТОР АНГЛО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ ПОСЛЕ НАЦИСТСКОГО НАПАДЕНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (июнь–июль 1941 г.)

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье обосновывается предположение, что именно совпадение позиций по ситуации в Иране предопределило относительно быстрое преодоление взаимного недоверия между СССР и Великобританией после нацистского нападения на Советский Союз и заключение соглашения о совместных действиях в войне против Германии.

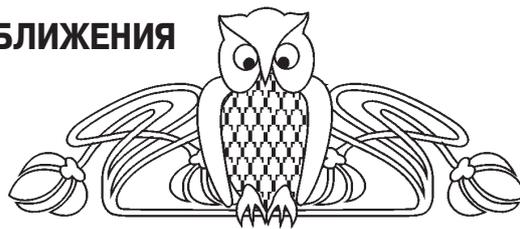
Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Турция, Сталин, Черчилль, Реза-шах, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The Iranian Factor of Anglo-Soviet Conciliation after Nazi Aggression against the Soviet Union (June – July, 1941)

Y. G. Golub

The hypothesis is justified in the article that identity of positions on situation in Iran after Nazi aggression against USSR have predetermined rather rapid overcoming of mutual distrust between USSR and Great Britain and conclusion of an agreement on joint actions in the war against Germany.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Turkey, Stalin, Churchill, Rezā Shāh, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

Дипломатическая история знает немало примеров удивительных договоренностей, неожиданных соглашений, вынужденных компромиссов, парадоксальных альянсов. К их числу, наверное, можно отнести и Договор между СССР, Великобританией и Ираном, подписанный в Тегеране 29 января 1942 года¹.

Отнести по той простой причине, что еще за несколько месяцев до этого события стороны занимали международные позиции, вряд ли предвещавшие формирование подобного геополитического треугольника. Если Советский Союз в начале лета 1941 г. сохранял приверженность договоренностям с Берлином, стремясь отсрочить неминуемую войну, то Британская империя уже вела вооруженную борьбу с нацистской Германией. Иран же с началом глобальной схватки заявил о своем нейтралитете и декларировал стремление защищать его силой оружия, хотя всем были очевидны его политические предпочтения.

Нацистский бросок на Советский Союз существенным образом изменил состав противо-

борствовавших во Второй мировой войне сил. Решившись начать крупномасштабную операцию на Востоке, Берлин вольно или невольно создал объективную основу для объединения усилий своих мощных противников – Великобритании и СССР, отношения между которыми к этому моменту были весьма непростыми. Но отнюдь не враждебными. Довольно распространенная точка зрения, что после заключения советско-германских договоров отношения между Москвой и Лондоном оставались все время таковыми (враждебными), вряд ли правомерна². Непредвзятая оценка этих отношений и двусторонних контактов свидетельствует, что Британия в этот период стремилась «навести мосты»³, а СССР не сжигать их. В Лондоне переговоры в основном велись между советским послом И. М. Майским и парламентским заместителем министра иностранных дел Р. Батлером, в них также участвовали министры иностранных дел Э. Галифакс, позднее сменивший его А. Иден, а в Москве – британский посол С. Криппс.

Как известно, дипломатическая деятельность по природе своей неспешна, обременена различными условностями, необходимостью соблюдения протокольных формальностей. Нужны события экстраординарного свойства, чтобы придать ей динамизм и максимально интенсифицировать весь арсенал внешнеполитических ведомств. Именно это и произошло 22 июня 1941 года. После нацистского удара по Советскому Союзу не частый и не очень эффективный политический зондаж сменился интенсивной дипломатической активностью, как в Москве, так и в Лондоне. Еще до официального советского сообщения о вероломном нападении Германии на СССР и в других мировых столицах дипломатические службы, несмотря на воскресное утро, пришли в необычайное возбуждение, стремясь по своим каналам получить достоверное подтверждение случившегося.

Уже в 8.30 по Гринвичу в советское посольство в Лондоне позвонил секретарь министра иностранных дел А. Идена и пригласил посла И. М. Майского на встречу к министру. Однако за несколько минут до того, как Майскому надо было ехать в Форин Офис, он узнал из сообщения московского радио о предстоящем выступлении заместителя председателя Совнаркома и наркома иностранных дел В. М. Молотова. Посол попросил отсрочить назначенную встречу на полчаса с тем, чтобы прослушать анонсированную речь. В полдень Майский был у Идена. Беседа началась с расспросов британского министра о содержании речи своего советского коллеги. Выслушав посла, Иден, в свою очередь, сказал, что уже утром беседовал с главой кабинета Черчиллем и на основании этой беседы считает нужным заявить, что объявление Германией войны Советскому Союзу ни в какой мере не меняет политику Англии, что ее действия в борьбе с Германией сейчас не

только не ослабеют, но, наоборот, усилятся. Далее он подчеркнул, что британское правительство готово оказать содействие СССР во всем, в чем оно может, и просил лишь указать, что именно нужно. По понятным причинам посол не мог в тот момент ответить, но обещал снести с советским правительством и после этого проинформировать министра⁴. В целом же беседа подтвердила главное: готовность Британии не ослаблять своих усилий в борьбе с Германией. Это было особенно важно, поскольку в Кремле не исключали возможности заключения мира между этими странами, учитывая завесу секретности, которая окутала неожиданный майский перелет заместителя Гитлера по нацистской партии Гесса в Англию.

Практически одновременно и даже чуть раньше, чем в Лондоне, дипломатические контакты имели место и в Москве. Правда, на более низком уровне. Дело в том, что британский посол в СССР С. Криппс в начале июня выехал в Лондон для консультаций со своим правительством⁵. Заменявший посла, временный поверенный в делах Великобритании в СССР Г. Баггaley еще до официального советского сообщения о нападении Германии по своей инициативе, не получив инструкций своего правительства, попросил о встрече первого заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского. Встреча состоялась в 12 часов дня в здании наркомата на Кузнецком мосту. Британский дипломат, сославшись на сообщения лондонского радио, попросил Вышинского проинформировать его о ходе событий. Услышав подтверждение случившегося, Баггaley заявил, что можно было бы установить сотрудничество в известной мере до получения указаний из Лондона и сослался при этом на содержание беседы министра иностранных дел Великобритании А. Идена с советским послом И. М. Майским 13 июня 1941 года. Вышинский пообещал проинформировать о встрече свое руководство⁶.

Уже эти первые советско-английские дипломатические контакты в существенно изменившейся политической реальности после начала нацистской агрессии против Советского Союза примечательны и своей оперативностью, и позитивной направленностью.

В контексте данной статьи будет уместно упомянуть и то, что на следующий день после нападения на СССР, 23 июня, в Тегеране посольство СССР посетил британский военный аташе Ундервуд. Причина визита была очевидна: появление нового фронта идущей мировой войны. Полковник начал беседу с советскими дипломатами с констатации того, что иранское правительство станет более смелым в отношении СССР, так как Советский Союз, приняв вызов Германии, ослабит свою мощь и, по мнению иранцев, будучи отвлечен тяжелой борьбой с Германией, не сможет в случае необходимости

влиять на политику Ирана. Не скрывая оптимизма относительно перспектив войны с Германией после вступления в войну СССР, Ундервуд предположил, что в ближайшее время Англия и СССР должны стать на путь полного сотрудничества в военных действиях против Германии. Коснулся он и присутствия немцев в Иране, отметив, что в последнее время они весьма сильно стали влиять на иранское правительство⁷. Это фактически стало первым обозначением проблемы, давно волновавшей британцев⁸, перед советской стороной. Проблемы, которой вскоре предстояло стать центральной в отношениях между будущими союзниками и Ираном.

Между тем в Тегеране, учитывая тесные отношения Ирана с Германией, сразу же осознали неизбежное появление сложностей в отношении с северным соседом, оказавшимся жертвой германской агрессии. Как уже отмечалось, с началом Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 г. заявил о своем нейтралитете. Однако после нападения Германии на Советский Союз его соблюдение становилось непростой задачей, поскольку для иранских властей было очевидно, что приближается момент истины, что обе воюющие стороны усилят давление на Иран, стремясь заручиться его благожелательностью и даже активной поддержкой. Шаху и его министрам нужно было сориентироваться, чтобы избежать опрометчивых шагов, а для начала, чтобы выиграть хоть немного времени, заверить воюющие стороны в своем неизменном дружелюбии и попытаться получить немецкие, в том числе военные грузы, находившиеся транзитом на советской территории.

Утром 22 июня, за три часа до выступления В. М. Молотова, официально сообщив о нападении Германии на Советский Союз, в отсутствие посла⁹ советник посольства СССР в Иране М. В. Николаев был приглашен заместителем министра Д. Амери в иранский МИД для подтверждения получаемых об этом радиосообщениях из Берлина и Лондона. Заменявший посла дипломат информировал собеседника, что московское радио не передавало подобных новостей. Амери, в свою очередь, отметил, что если эти сообщения соответствуют действительности, то он выражает Советскому Союзу свое сожаление по поводу того, что тот стал жертвой нападения, заверяет в дружественных чувствах Ирана к СССР и высказывает ему свое сочувствие как государству, с которым Иран уже много лет находится в добрососедских отношениях. Эта фраза заместителя министра вряд ли была личным экспромтом. В своем отчете в Москву о состоявшейся встрече Николаев отметил, что во время беседы Амери выходил в соседнюю комнату, в которой, по его предположениям, «находился или шах, или Председатель Совета Министров Мансур, а может быть весь Совет Министров». Дипломат не сомневался в том, что Амери вы-

ходил в другую комнату для консультации с кем-нибудь из упомянутых лиц. В конце аудиенции Амери (не без соответствующей санкции?) заявил, что иранское правительство надеется, что немецкие грузы, застрявшие на территории СССР, будут в скором времени доставлены в каспийский порт Пехлеви¹⁰. Именно в этом, судя по всему, и состоял истинный смысл скоропалительного приглашения советского представителя. Что касается заверений заместителя министра в дружеских чувствах Ирана к СССР и сожалении о случившемся, то искренность этих слов может быть поставлена под сомнение. Так, спустя три дня весьма информированный о настроениях в иранской властной верхушке британский посол Р. Буллерд сообщил в Лондон: «В общем и целом иранцы довольны тем, что Германия напала на ... их старого врага в лице России»¹¹. Причем это касалось не только реакции правительственных кругов, но и настроений значительной части иранского общества. По мере того как немецкие армии добивались все новых успехов на восточном фронте, толпы горожан собирались на одной из центральных площадей Тегерана (Sepah) и восторженно аплодировали каждый раз, когда по громкоговорителю объявляли о взятии немцами очередных советских городов¹².

Несмотря на подобные настроения, Тегеран, тем не менее, предпочел вновь подтвердить свой нейтральный статус. 26 июня иранское посольство в Москве соответствующей нотой информировало об этом советское правительство¹³. Это решение далось иранским властям явно непросто. Даже после подтверждения нейтралитета вопрос о выступлении против СССР продолжал дебатироваться в правительственных кругах, пока в конце июня 1941 г. на заседании высшего военного совета из 40 голосовавших 24 высказались за нейтралитет, а 16 – за вступление в войну на стороне Германии¹⁴.

Москва в подтверждение Тегераном нейтралитета восприняла как шаг, нуждающийся в практическом подкреплении. 26 июня внимание иранского правительства было обращено на опасность, которую представляет собой подрывная и шпионско-диверсионная деятельность в Иране германских агентов. Тогда же шаху Ирана было сообщено, что в распоряжении советского правительства имеются серьезные сведения о готовящемся немцами в Иране государственном перевороте¹⁵.

Советский демарш не был безосновательным. Москве было известно, что гитлеровцы последовательно закреплялись в этой стране, видя в Иране и стратегический плацдарм для действий против СССР и Британской империи, и источник сырья, прежде всего нефти. С другой стороны, стремительный рост могущества Третьего рейха, его экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Наиболее сильны были прогерманские настроения

в высшем командном составе армии¹⁶. Однако Берлин, по всей вероятности, в решающий момент военного противоборства уже не устраивал недостаточно прогибавшийся перед ним старый шах. Как утверждают некоторые авторы, в июле-августе 1940 г., а затем в августе 1941 г. профашистские силы собирались осуществить в Иране государственный переворот. Не случайно летом 1941 г. руководитель абвера адмирал В. Канарис посетил эту страну¹⁷.

В этом контексте примечательно и другое обстоятельство, знакомство с которым придаст советско-британским опасениям по поводу растущего немецкого проникновения в Иран еще большую обоснованность. Дело в том, что, готовясь к нападению на Советский Союз, руководители Третьего рейха усилили свое внимание к позиции Турции, не только контролировавшей проливы и вообще занимавшей важное стратегическое положение на стыке Европы и Ближнего Востока, но и имевшей границу с Советским Союзом в Закавказье. Между тем Турция имела союзный договор с Англией и Францией, нейтрализовать который и вознамерился Берлин. Появление в марте 1941 г. частей вермахта в Болгарии стало весомым аргументом в начавшихся весной того же года германо-турецких переговорах о заключении договора о дружбе и ненападении. Как свидетельствует дипломатическая переписка немецкого МИДа с германским послом в Анкаре Ф. фон Папеным, Берлин не просто подталкивал Турцию, несмотря на ее союзнические отношения с Великобританией, к такому договору. Он стремился присовокупить к договору о дружбе и ненападении еще один секретный документ. 17 мая 1941 г. рейхсминистр иностранных дел И. фон Риббентроп в депеше послу Папену дал указание, в дополнение к подготовливавшемуся договору, заключить с Анкарой «секретный договор, который разрешит нам неограниченный провоз оружия и военных материалов через Турцию»¹⁸.

Следующие фразы документа еще более красноречивы, поэтому приводим их дословно: «При этом следовало бы установить в соответствующей форме, что Турция не будет возражать против того, чтобы эти военные материалы сопровождались во время провозки необходимым персоналом. *Практически это равнялось бы разрешению на провозку известного количества войск в замаскированной форме* (курсив мой. — Ю. Г.)», — конкретизировал Риббентроп¹⁹. Понимая всю значимость такого требования, министр был готов стимулировать Анкару «исправлением границы у Адрианополя» в ее пользу, а также «тем или иным островом в Эгейском море»²⁰. «Понятно, — писал он, — что здесь речь идет не только о небольших партиях военных материалов, вытекающих из обязательств по поставке оружия Ирану и т. д., но также о перевозках более значительных, причем определение их размеров

должно принадлежать нам. На этот счет не должно быть никаких неясностей»²¹. Текст жесткий, не оставляющий никаких двусмысленных толкований и, учитывая его секретный характер, откровенно отражавший внешнеполитические предпочтения Германии накануне нападения на СССР. Отсюда еще одна фраза: «Мы заинтересованы в том, чтобы как можно скорее закончить это дело»²².

Однако Анкара стала тянуть время, опасаясь, по-видимому, что принятие немецких предложений будет означать не только утрату части суверенитета, но и возможный пересмотр союзнических отношений с Великобританией. На это Турция в условиях тогдашней острой и неопределенной международной ситуации пойти оказалась не готова. В конечном итоге 18 июня 1941 г. в Анкаре был подписан только Договор о дружбе и ненападении с Германией. Правового же закрепления в секретном договоре своих претензий на транзитную «вседозволенность» Берлину получить не удалось. Все это стало известно уже после завершения мировой войны, когда германские внешнеполитические архивы оказались в руках победителей. А ведь после нападения Германии на Советский Союз и серьезных первоначальных успехов вермахта на восточном фронте Анкара могла быстро и передумать...

Вернемся, однако, к последним июньским дням 1941 года. Дипломатическая активность в столицах воюющих государств продолжала набирать обороты. Правда, позиции Великобритании и СССР сближались непросто. Публичные, эмоционально окрашенные политические декларации Лондона, начиная с радиовыступления премьера У. Черчилля 22 июня 1941 г. о готовности поддержать Советский Союз, сочетались с весьма прагматичной и выжидательной линией британской дипломатии в процессе налаживания практического взаимодействия. Лондон всячески стремился уклониться от обязательств активизировать свои военные усилия в борьбе с Германией на европейском театре военных действий, полагая, что наибольшую отдачу от использования имевшихся сил и средств можно получить на Среднем Востоке²³.

27 июня в Москву вернулся британский посол С. Криппс, которого вступление в войну СССР застало в Лондоне²⁴. Вместе с ним прибыли члены английской военной и экономической миссий. В военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри²⁵. Появление в советской столице британских представителей более высокого ранга позволило придать дипломатическим контактам сторон адекватный уровень не только в Лондоне, но и в Москве.

Сразу же в день приезда состоялись две встречи С. Криппса с народным комиссаром

иностраннных дел СССР В. М. Молотовым. Собеседники уже имели опыт личного общения: после прибытия С. Криппса в 1940 г. в Москву в качестве британского посла В. М. Молотов несколько раз принимал дипломата²⁶. В начале первой встречи 27 июня 1941 г., носившей протоколно-торжественный характер, посол представил всех приехавших с ним членов военной и экономической миссий. Выступая, Криппс выразил сочувствие подвергшемуся нападению СССР и в самых общих словах заявил о возможной помощи со стороны Великобритании. После завершения церемонии посол имел конфиденциальный разговор с Молотовым. Собеседники коснулись в основном двух тем: работы прибывших миссий и перелета Гесса в Британию в мае 1941 года. Обстоятельства этого особенно волновали советского наркома²⁷.

Вечером В. М. Молотов вновь принял С. Криппса. Он сообщил послу, что доложил И. В. Сталину о предложении помощи, высказанном послом на их предыдущей встрече, и подчеркнул, что теперь, когда речь идет о контакте по военной линии и об оживлении англо-советских военных и экономических переговоров, возникает вопрос о том, в каких масштабах страны будут помогать друг другу; будет ли вопрос о помощи разрешаться в узкой или более широкой форме. Перейдя затем к общеполитическим вопросам, нарком заметил, что А. Иден в беседе с И. М. Майским указывал на желательность общей политической линии обоих правительств в отношении Ирана, Ирака, Афганистана и, кажется, Турции. Обе стороны имеют одного врага, продолжил Молотов, и у них есть общие вопросы и общие интересы. Поэтому необходимо обусловить взаимную помощь каким-то соглашением на определенной политической базе, на которой было бы возможно осуществить военное и политическое сближение между обеими странами.

Посол Криппс, в свою очередь, заявил, что он согласен с тем, что правительства должны следовать общей политической линии в отношении Ирана, Ирака и Афганистана, а также добавил, что в настоящий момент целью как Англии, так и СССР является предотвращение проникновения Германии или кого-либо из ее партнеров в страны Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, и особенно это важно в отношении Ирана. Молотов согласился с последним замечанием Криппса и заявил, что данный вопрос является актуальным²⁸. Столь подробный пересказ тематики первых бесед британского представителя с влиятельным советским наркомом отнюдь не случаен. При всем немалом диапазоне важнейших задач устанавливаемого сотрудничества проблема германского проникновения в Иран была обозначена в числе первоочередных целей сторон. Отметим, что с момента нападения на Советский Союз прошло менее недели.

На следующий день, 28 июня, С. Криппс посетил наркома внешней торговли А. И. Микояна. Учитывая круг обязанностей последнего, в центре беседы оказались вопросы наращивания импорта товаров в Советский Союз, в том числе и в виде помощи. Касаясь маршрутов их транспортировки, британский посол заявил, что желательно максимально использовать Транс-иранскую железную дорогу, а также шоссейные дороги Ирана. Микоян в тот момент полагал иначе. Он высказал мнение, что лучше было бы восстановить самый короткий довоенный путь Мурманск – Лондон, что было связано с вытеснением немцев из Норвегии. Ответ Криппса не оставлял сомнений в предпочтениях англичан. Он сказал, что в Адмиралтействе пока не видят такой возможности²⁹.

Аргументы Лондона были с пониманием восприняты советской стороной. Уже 29 июня вопрос использования иранских коммуникаций, инициированный англичанами, получил развитие в беседе В. М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом. Советский нарком, рассматривая возможность поставок американских материалов и оборудования в Советский Союз, отметил, что существует путь через Персидский залив и Иран, «путь, который работает круглый год»³⁰. Таким образом, внимание к Ирану со стороны выстраивающих союзные отношения держав, помимо их общей первоначальной озабоченности немецким присутствием в этой стране, дополнилось их согласием в приоритетности южного транспортного коридора.

30 июня, в разгар смятения, воцарившегося среди высших иранских сановников, и их озабоченности неопределенностью относительно ближайших перспектив³¹, в Тегеран, наконец, прибыл посол СССР А. А. Смирнов. Уже через два часа после приезда в иранскую столицу он попросил аудиенцию у премьер-министра А. Мансура. Довольно позднее время, а главное выход за рамки дипломатического протокола, когда вновь прибывший посол еще до визита в МИД и до вручения верительных грамот просит о приеме главу правительства, вызвали у иранцев замешательство. Однако спустя некоторое время согласие премьера все же было получено. Трудно сказать, чем вызывалась такая стремительность действий посла и насколько его действия были согласованы с Москвой. Но, судя по затронутым советским дипломатом в беседе вопросам, у него было соответствующее поручение.

Согласно отчету посла Мансур принял его «очень любезно». После взаимного обмена приветствиями Смирнов проинформировал собеседника о том, что в СССР с большим удовлетворением было воспринято заявление иранского правительства о сохранении полного нейтралитета. Затем он изложил заявление советского правительства о расширении товарооборота с Ираном и о транзите через Иран советских грузов. Мансур

ответил, что иранское правительство уделит особое внимание вопросу расширения товарооборота с СССР. Он поблагодарил также Москву за готовность доставить в Иран транзитные грузы, в том числе и вооружения, находившиеся в СССР. Последнее вряд ли было случайным. Выразив готовность к пропуску через свою территорию вооружений, советская сторона вынуждала тем самым иранские власти подкрепить их повосточному витиеватыми уверениями в дружеских чувствах ответными практическими действиями. Однако это не сработало. Хотя Мансур подтвердил, что иранское правительство, в свою очередь, согласно оказать всяческое содействие транзиту через Иран советских грузов, при этом он сделал оговорку, что в числе этих грузов не будут находиться такие, которые могли бы нарушить нейтралитет Ирана. На уточняющий вопрос посла Мансур ответил: «Все что хотите, кроме оружия». Завершая разговор о транзите, он не удержался и вновь заметил: «За исключением оружия»³².

Строго говоря, нейтральный статус не предполагал подобных самоограничений. Однако уклоняясь от транзита вооружений в СССР, иранские власти явно перестраховывались, опасаясь негативной реакции Берлина. Но поскольку для экономики воюющей страны, какой был СССР, необходим был самый широкий перечень товаров и сырья, само согласие Тегерана на невоенный транзит в Советский Союз было, безусловно, позитивным шагом.

Довольно скоро тема получила продолжение. Как и обещал А. Мансур спустя несколько дней, утром 5 июля, в Голестанском дворце состоялась церемония вручения верительных грамот послом Смирновым Реза-шаху. После ее завершения шах и посол стоя побеседовали около получаса, причем порой шах переходил на русский язык. В начале беседы Реза-шах, отдавая дань дипломатической вежливости, заявил послу, что тот может рассчитывать на его полное содействие в своей деятельности. В свою очередь, А. А. Смирнов, пользуясь возможностью общения с главой государства, повторил уже сказанное ранее премьеру Мансуну относительно готовности советского правительства расширить товарооборот между странами и обозначил проблему обеспечения транзита в СССР через Иран. Собственно последняя и являлась ключевой, поскольку стороны, каждая по-своему, были озабочены ее практической реализацией. Касаясь транзита, шах ответил, что он желает одного, чтобы в числе грузов не было таких, которые могли бы подвергнуть опасности нейтралитет Ирана, то есть подтвердил позицию, уже изложенную послу премьером. Не ожидая собственно ничего иного, Смирнов ответил в том же ключе, что и Мансуну: советское правительство никоим образом не намерено подвергать опасности нейтралитет Ирана. Очередное подтверждение позиции Москвы шаха

не могло не устроить. В таком случае, заявил он, можете рассчитывать на полное содействие³³.

Таким образом, менее чем за неделю советский представитель смог не только обозначить ставшую особенно актуальной проблему поставок через Иран, но и заручиться гарантиями на этот счет первых лиц иранского государства. Примечательно при этом, что посол Смирнов ни в беседе с главой правительства Мансуром, ни на встрече с Реза-шахом ни разу не коснулся немецкого присутствия в Иране. Вряд ли это было его упущением. Скорее всего, чтобы не обострять отношений при первом знакомстве, было решено сначала согласовать возможность поставок в СССР грузов через эту соседнюю страну, обеспечив самый безопасный маршрут. Понятно, что его значимость существенно снижалась из-за отказа пропуска оружия. И решение тем или иным образом проблемы военного транзита оставалось важнейшей и непростой задачей советской дипломатии.

Поскольку, отказывая в военном транзите ссылками на свой нейтральный статус, Тегеран был дипломатически неуязвим, Москве и Лондону в еще большей степени пришлось акцентировать внимание на значительном, по их мнению, немецком присутствии в Иране, что воспринималось ими как несоответствие заявленному нейтралитету. И такая советско-британская позиция имела под собой весомое основание. Немецкая колония была не только многочисленна, ее представители обладали серьезным влиянием и в госаппарате, и в армейской верхушке, и в экономической сфере³⁴. Поэтому и британские и советские дипломаты стали не упускать возможности обозначать перед иранскими властями эту проблему, раз за разом подчеркивая свою растущую озабоченность и вынуждая Тегеран оправдываться и маневрировать.

Так, уже 9 июля во время беседы с премьером А. Мансуром посол А. А. Смирнов, несколькими днями ранее получивший отказ Реза-шаха по поводу транспортировки военных грузов, поинтересовался: предприняло ли иранское правительство что-либо в отношении немцев, «список которых был ему передан советником Николаевым»? Премьер ответил, что по этому вопросу ведётся следствие и, если будет установлена их виновность, данные лица будут наказаны. Он заметил также, что немцы в Иране до сих пор действовали так, что их нельзя было ни в чём обвинить, но «иранское правительство строго предупредило их о недопустимости каких-либо акций, направленных против иранских законов, и взяло под наблюдение всех лиц, упомянутых в списке, переданном Николаевым»³⁵.

Думается, что после этого разговора у иранских официальных лиц не осталось сомнений, что «проблема немцев» станет той болевой точкой, прикосновение к которой будет делать их отношения с СССР и Великобританией все

более напряженными. Ведь, как уже отмечалось, именно иранский маршрут военной помощи Советскому Союзу, наряду с немецким влиянием в этой стране, становился все более значимым мотивом в растущем сближении Москвы и Лондона. Это в полной мере подтвердила состоявшаяся днем ранее беседа председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с британским послом С. Криппсом.

В связи с этим нельзя не отметить, что Сталин принимал послов крайне редко. Его предыдущая встреча с Криппсом состоялась за год до этого, 1 июля 1940 г., сразу же после прибытия последнего в качестве посла в СССР³⁶. Хотя официальным поводом для новой встречи стала передача послания У. Черчилля³⁷ главе советского правительства, личное подключение Сталина к дипломатическому процессу имело серьезные основания. И, забегая вперед, можно сказать, сыграло определяющую роль в оформлении советско-английских союзнических отношений.

В ходе весьма продолжительной беседы, особенно учитывая разный статус собеседников, было затронуто фактически два вопроса. Дав по просьбе Криппса текущую оценку положению на советско-германском фронте и оценив ее как напряженную, Сталин перешел к главному: к возможному соглашению между СССР и Великобританией. Именно в этом вопросе сошлись в непримиримом споре искусственность государственного деятеля и мастерство политика, ставшего дипломатом. Сталин сразу же обострил диалог. Он отметил, что «у советского правительства создалось плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством». И продолжил: «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением»³⁸.

Криппс явно не ожидал такой прямой и жесткой оценки. Он пугнулся в пространное объяснение британской позиции. «Мы, – заявил Криппс, – не хотим заключать соглашения до тех пор, пока не пройдем вместе имеющий место в настоящий момент период экономического и военного сотрудничества. История последних лет делает нежелательным стремительное, непродуманное, скоро испеченное соглашение»³⁴.

Чем больше он говорил, тем ему самому, как представляется, становилась очевидной неубедительность собственной аргументации. Сталин, не удержавшись, выразил удивление по поводу заявления Криппса о каком-то будто бы торопливом и стремительном соглашении. «Как Англия, так и Советский Союз находятся в войне против Германии, а эти факты обойти нельзя. Сотрудничество же, о котором говорит Криппс, немислимо без соглашения», – отрезал Сталин. Посол попробовал смягчить возникшую остроту. Он высказался в том смысле, что, «возможно, существует неясность в трактовке самого

слова «соглашение». Сталин сразу же разъяснил Криппсу, как он понимает значение этого слова. И добавил: «Советское правительство не ставит вопроса об установлении сфер влияния. Советское правительство также не думает на данной стадии заключить соглашение относительно того, какая сторона и сколько выставит вооруженных сил против Германии. Сейчас стоят более элементарные вопросы – не создавать иллюзии, что Англия изолируется от СССР, а СССР от Англии, и заключить пакт взаимопомощи. В то время как у Гитлера имеется коалиция, в отношениях между Англией и СССР создается впечатление изолированности. Коалиции нужно противопоставить коалицию, а не изоляцию»³⁹.

Исчерпав все свои доводы, Криппс предположил, что, возможно, в беседе с Молотовым имело место недоразумение. Сталин намек понял и дал шанс собеседнику, допустив, что, возможно, посол не понял Молотова или, может быть, Молотов не вполне ясно выразился на счет позиции советского правительства. Почувствовав некую разрядку, Криппс попытался вернуть утраченные в разговоре позиции и заявил, что, «как он понял Сталина, необходимо иметь соглашение или обмен нотами по вопросу об оказании обеими странами друг другу помощи и об обязательстве не заключать с Германией сепаратного мира». Сталин ответил, что посол понял его в основном правильно.

Криппс позволил себе расслабиться. Он подумал, что обыграл советского лидера, отстояв свою позицию. Именно так можно воспринять его фразу о готовности «проинформировать свое правительство... что, по его мнению, лучшим способом заключения соглашения будет обмен нотами». То есть он за соглашение, но соглашение как такого не будет, будет обмен нотами. Англичанин, наверное, решил во всей красе продемонстрировать изощренность своего адвокатского прошлого. Он еще плохо знал Сталина и недооценил его мастерство полемиста.

Чуть отступив, «ослабив хватку», Сталин, подводя итоги обсуждения этого вопроса, вновь подтвердил свою исходную позицию. Как само собой разумеющееся, он отметил, что способ заключения соглашения «является вопросом частным, однако, по его мнению, было бы лучше сделать так, как это делается обычно при заключении пакта о взаимопомощи, а именно подписать соглашение». «Если же такой пакт для Англии неудобен и нецелесообразен, то это надо сказать ясно и прямо. Что касается меня, то я думаю, что настоящая обстановка требует заключения такого пакта, а обмен нотами даст очень мало», – загнал собеседника в угол председатель Совнаркома. Криппс был вынужден заверить Сталина в том, что «он всегда хотел заключения подобного пакта между Англией и СССР». И попытался сохранить свое реноме, полностью отказавшись от прежней аргументации и сослав-

шись теперь «на некие группировки в Англии и США, которые еще нужно убедить в необходимости сотрудничества между СССР и Англией». Поэтому, по мнению посла, «заключение соглашения, возможно, окажется преждевременным». Однако и этот довод не поколебал Сталина, который заметил, что «будет еще более опасно опоздать с заключением подобного соглашения». Криппс понял, что исчерпал свои аргументы и что дальнейшая пикировка с главой советского правительства может создать о нем негативное впечатление у собеседника. Ему не осталось ничего другого как выразить надежду, что ему удастся уговорить свое правительство заключить предлагаемый Сталиным пакт. «Однако это потребует времени», – не смог сдержать себя англичанин. И следующей пафосной фразой попытался исправить оплошность: «В настоящий же момент каждый день сотрудничества приближает день заключения такого соглашения». Сталин не стал скрывать раздражения, откровенно заметив, что «не видит какого-либо сотрудничества между обеими странами. Пока это только разговоры о сотрудничестве».

В разговоре все явственнее стало ощущаться отчуждение. Пытаясь его преодолеть, Криппс заявил, что главной целью обеих сторон является соглашение против сепаратного мира. Сталин возразил, что главное не в этом. Главное в том, по его мнению, «чтобы создать ясность в вопросе о взаимоотношениях между Англией и СССР. Обстановка требует заключения соглашения о взаимной военной помощи между нашими странами... Готово ли к этому английское правительство? В этом суть вопроса». Посол, заверив советского руководителя в том, что он сделает все от него зависящее, перевел разговор в практическую плоскость. Он поинтересовался, где будет лучше, по мнению Сталина, вести переговоры, в Москве или в Лондоне. Сталин предпочел Москву⁴⁰.

Дипломатическая пикировка завершилась. Важный шаг к возможному началу переговоров о заключении рамочного соглашения о союзе в войне СССР и Великобритании был сделан. Роль Сталина в таком исходе встречи с британским послом, думается, очевидна. Но согласие Криппса на начало переговорного процесса отнюдь не означало предопределенности именно такого развития событий. Конечно, от позиции посла и его рекомендаций своему руководству зависело многое. Однако окончательное слово, быть переговорам или нет, оставалось за Дауниг-стрит. Вот почему Сталин счел необходимым продолжить встречу и сделал блестящий дипломатический ход. Зная об особой заинтересованности англичан в сохранении своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, советский руководитель поднял тему, которая не только не могла не заинтересовать Лондон, но и должна была стимулировать британский кабинет на скорейшее юридическое

оформление отношений между СССР и Великобританией.

Неожиданно для Криппса Сталин заговорил о большом скоплении немцев в Иране и в Афганистане, которые, как он заявил, «будут вредить и Англии и СССР». Сталин поинтересовался точкой зрения посла относительно возможных мер, необходимых для их изгнания из этих стран «сейчас, так как потом это сделать будет трудно»⁴¹.

Криппс активно подхватил тему, ответив, что англичане уже делали иранцам представление в связи с пребыванием в стране немцев. По его мнению, «оба правительства должны сделать шаху или министру иностранных дел Ирана демарш с предложением удалить пятую колонну». Если советское правительство даст соответствующие инструкции Майскому, продолжал Криппс, то он со своей стороны информирует Идена по тому же вопросу. И добавил, что имел беседу с афганским послом по вопросу о немцах. Тот сообщил ему, что, кроме немецкой миссии в Кабуле, в Афганистане немцев практически нет. Тем не менее Криппс предложил Сталину, чтобы Молотов сделал представление афганскому послу. Сам же Криппс обещал снестись с английским посланником в Кабуле и выяснить вопрос о немцах.

Сталин в связи с этим заметил, что читал донесение советского посла в Кабуле, в котором говорилось о разговоре посла не то посланником, не то военным аташе английской миссии о необходимости выбросить немцев из Афганистана. Считая высказывания представителя английской миссии, сказал Сталин, мнением английских кругов, он и решил обсудить на этой встрече вопрос о немцах. Криппс в ответ обещал снестись со своим правительством по вопросу о принятии мер в Иране, и если имеется опасность, то и в Афганистане. Сталин отметил, что опасность существует как в Иране, так и в Афганистане, и что «советское правительство уделяет внимание этому вопросу, особенно в отношении Ирана, потому что оно опасается за нефтяные промыслы Баку»⁴².

В заключение беседы Сталин, опираясь на совпадение позиций Лондона и Москвы по поводу немецкого присутствия в Иране, посчитал уместным вернуться к главной теме разговора. Он заявил, что у него создается впечатление, что Англия в настоящий момент не может пойти на заключение пакта о взаимопомощи. Криппс посчитал недопустимым для себя на такой ноте завершить встречу с советским лидером. Это же, наверно, понимал и Сталин, подводя именно такой итог беседы. Не согласившись со сталинским выводом, посол был вынужден заявить, что «Черчилль стремится к тому, чтобы заключить подобный пакт». И стал весьма эмоционально объяснять британскую позицию. Выслушав, Сталин счел необходимым, тем не менее, выразить обеспокоенность: «Есть опасность опоздать с соглашением». Прощаясь со Сталиным, Криппс

обещал немедленно связаться со своим правительством по затронутым в беседе вопросам⁴³.

Таким образом, Сталин, как представляется, смог убедить собеседника в необходимости безотлагательного заключения советско-английского соглашения. Криппс действительно сразу же доложил об итогах переговоров в Лондон⁴⁴, где для их обсуждения было созвано специальное заседание военного кабинета. Ответ Черчилля не заставил себя ждать. В письме премьер заверял Сталина, что британская сторона всецело одобряет предложение о согласованной англо-советской декларации и считает, что ее подписание «должно было бы состояться тотчас же по получении ответов от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать ее гласности»⁴⁵.

Конфиденциальное послание британского премьера было вручено Сталину 10 июля 1941 г. на новой встрече посла Криппса и главы советского правительства. Криппс, огласив послание, вручил Сталину его русский текст. При этом он добавил, что в целях ускорения подписания соглашения он по личной инициативе набросал проект соглашения, которое, по его мнению, отражает точку зрения английского правительства, и ознакомил с ним собеседника. Прежде чем начать его обсуждение, Сталин поинтересовался у посла, почему бы не назвать предлагаемый проект документа соглашением? Криппс объяснил, что при составлении проекта ему пришлось руководствоваться посланием Черчилля. В нем премьер называет документ «согласованной декларацией». Приняв к сведению разъяснение Криппса, Сталин предложил конкретизировать первый пункт проекта. Криппс согласился, хотя и не увидел в этом большого смысла. Поскольку разговор плавно перетекал в обсуждение дипломатических формулировок, Сталин пригласил к участию в беседе Молотова. В итоге от части сталинской поправки решили отказаться. Криппс получил согласие Сталина отправить в Лондон проект соглашения как одобренного советским правительством. Обменявшись шутками, собеседники вернулись к обсуждению названия документа, по поводу которого вновь выявились разные подходы. Сталин поинтересовался у Криппса, как все же будет называться согласованный документ. «Это будет соглашение в форме декларации», – ответил посол. Сталина это не устроило, он полагал, что «договор» будет весомей. Возразив Сталину, что декларация меньше обязывает, чем соглашение, Криппс предложил назвать документ или «Согласованной декларацией», или «Декларированным соглашением». Сталин стоял на своем. «Пусть лучше пройдут месяцы, но пусть обе стороны выработают настоящий документ, определяющий их сотрудничество», – отбросив недавний шуточный тон, заявил Сталин. Криппс как мог пытался свести обе точки зрения, не отказываясь от первоначального названия. Он высказал идею назвать документ декларацией «о соглашениях о совместных действиях Правительства Его Величества и Правительства СССР». Идея не прошла. Криппс продолжал импровизировать. Его новая формулировка гласила: «Соглашение между Англией и СССР о совместных действиях против Германии» или «Соглашение относительно взаимопомощи и консультации между СССР и Англией»⁴⁶. Сталин и Молотов предпочли первый вариант, зафиксировав достигнутый компромисс. Им стал термин «соглашение», а не «декларация», на котором упорно настаивали англичане, но и не «договор», предлагавшийся советской стороной скорее как вариант для дипломатического торга. После споров о названии окончательное решение о тексте самого соглашения было достигнуто практически сразу. И Криппс заявил, что если «он получит согласие своего правительства на подписание в том виде, как оно сейчас выработано», то он будет просить Лондон уполномочить его подписать это соглашение.

В заключение беседы Молотов поинтересовался у Криппса, получен ли ответ из Лондона относительно предложений о принятии совместных мер в Иране и Афганистане. Из слов посла стало понятно, что ответа еще нет. И что Криппс рекомендовал Форин Офис снестись с Майским для обсуждения вопроса о возможности совместного демарша в Тегеране. Со своей стороны Криппс, пообещав проконсультироваться с английским посланником в Тегеране, высказал предположение, что, может быть, «*придется дипломатические меры поддержать военными*»⁴⁷ (курсив мой. – Ю. Г.).

Так впервые прозвучала мысль о применении силы в Иране. Сталин с ней согласился и, в свою очередь, решил усилить ее обоснованность. Он поделился с Криппсом своей обеспокоенностью судьбой Баку: согласно данным советской разведки, немцы обещали помочь иранцам захватить его нефтяные промыслы. Уже прощаясь, Сталин попросил и посла и через него самого Черчилля «поскорее разрешить вопрос с подписанием соглашения с тем, чтобы внести ясность как в самом СССР, так и во всей Европе»⁴⁸.

Подведем некоторые итоги. Как видим, в очень короткий промежуток времени с 8 по 10 июля руководитель Советского Союза, несмотря на колоссальную загруженность делами оборонявшейся страны, счел для себя важным провести две продолжительных (каждая больше часа) встречи с британским послом С. Криппсом⁴⁹. При том что в дипломатической практике прием иностранных послов, и то лишь влиятельных держав, прерогатива, как правило, руководителя внешнеполитического ведомства. И Молотов как нарком иностранных дел чуть ли не через день встречался с Криппсом. Что же заставило отступить от принятого формата? Вряд ли формальная процедура передачи личных посланий У. Черчилля. Ответ

кроется в характере вопросов, поставленных Сталиным для обсуждения с британским послом. Фактически при всем многообразии проблем советско-английских отношений в контексте войны с Германией Сталин не коснулся ни военных поставок, ни второго фронта, ни операций в Норвегии, ни других не менее важных тем. Обсуждали только два вопроса: юридическое оформление союзнических отношений и Иран с Афганистаном. Значимость первого вопроса очевидна. Но почему к этому весьма непростому вопросу, о чем свидетельствовал характер обсуждения, добавился Иран? Ведь иранская ситуация, если посмотреть записи бесед дипломатов, в предшествующие дни не обсуждалась сторонами.

Думается, прежде всего, из-за очевидной обоюдной заинтересованности сторон не допустить попадания этой страны под германский контроль, что смешало бы все стратегические расклады на Среднем Востоке. И, стало быть, в возможности относительно быстрого нахождения единого алгоритма действий. Это способствовало бы преодолению (или смягчению) взаимного недоверия между Москвой и Лондоном, создавало бы тем самым благоприятный фон для заключения рамочного документа о союзе СССР и Великобритании. Подтверждением этого вывода можно считать согласие Сталина на военные меры воздействия на Тегеран.

Что же касается советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии, то Лондон действительно действовал максимально оперативно. Уже 12 июля 1941 г. в Москве соглашение было подписано. Оно содержало обязательство оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и не вступать в сепаратные переговоры⁵⁰. Документ знаменовал начало формирования антигитлеровской коалиции и стал крупной вехой в советско-британских отношениях в годы войны. Обсуждавшаяся в ходе выработки соглашения позиция по Ирану довольно быстро была сформулирована союзниками и в процессе реализации дала первый весомый результат военно-политического сотрудничества Великобритании и СССР в виде ввода союзных войск в эту страну в августе 1941 года⁵².

Примечания

- ¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы : в 3 т. Т. 1. М., 1946. С. 217–223.
- ² Автор разделяет мнение, высказанное О. А. Ржешевским, о том, что оценка англо-советских отношений в весь период после заключения советско-германских договоров и до нападения Германии на СССР однозначно враждебными, требует уточнения. См.: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 12.
- ³ Например, 22 октября 1940 г. С. Криппс передал первому заместителю наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому предложение заключить между двумя странами секретное соглашение, согласно которому СССР должен был поддерживать «благожелательный нейтралитет» в отношении Ирана и других стран. (1941 год : в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 321). 25 февраля 1941 г. в ответ на инициативу С. Криппса о возможности встречи в Москве А. Идена с И. В. Сталиным для обсуждения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский сообщил британскому послу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов» (Документы внешней политики (далее – ДВП). 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). М., 1998. С. 419–420).
- ⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы : в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 45–47.
- ⁵ ДВП. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). С. 719.
- ⁶ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 14–15. Отчет о беседе был сразу же направлен Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну.
- ⁷ ДВП. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). С. 755.
- ⁸ *Kitchen M.* British policy towards the Soviet Union during the Second World War. L., 1986. P. 24.
- ⁹ Вновь назначенный советский посол в Иране А. А. Смирнов находился в Москве и не приступал еще к выполнению своих обязанностей в Тегеране. 8 мая 1941 г. перед назначением послом в Иран со А. А. Смирновым беседовал И. В. Сталин. (Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 269). 12 мая посольство Ирана в Москве уведомило НКВД о согласии иранского правительства на назначение А. А. Смирнова послом СССР в Иране. (Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 175. П. 14. Л. 17.
- ¹⁰ ДВП. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). С. 754–755.
- ¹¹ *Bullard R., Hodgkin E. C.* Letters from Tehran: a British ambassador in World War II, Persia. I. B. Tauris, 1991. P. 60.
- ¹² *Arfa H.* Under five shahs. N.Y., 1965. P. 272.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 175. П. 14. Л. 40
- ¹⁴ Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. Т. 4. М., 1999. С. 327.
- ¹⁵ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 257–260.
- ¹⁶ См. подробнее: *Агаев С. Л.* Германский империализм в Иране. М., 1969 ; *Оришев А. Б.* Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М., 2009 ; СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010 ; Иран и вторая мировая война. М., 2011.
- ¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 2. М., 2012. С. 866.
- ¹⁸ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М., 1946. С. 11–12.
- ¹⁹ Там же. С. 12

- ²⁰ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М., 1946. С. 12.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 13.
- ²³ См.: *Городецкий Г.* Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история, 1990. № 6. С. 61–78.
- ²⁴ The Foreign Office and the Kremlin. British documents on Anglo-Soviet relations, 1941–45. Cambridge University press, 1984. P. 15. Подробнее см.: *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–42. Cambridge University press, 2002. P. 163.
- ²⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 861.
- ²⁶ 14 июня, 27 июня, 7 июля, 24 августа и 4 октября 1940 года и в феврале 1941 г. – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3, П. 8. Д. 81. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (2). М., 1998. С. 48.
- ²⁹ Там же. С. 60–61.
- ³⁰ Там же. С. 61.
- ³¹ Дело в том, что в штабе британских войск на Ближнем Востоке в Каире был разработан чрезвычайный план противодействия возможному прорыву немецких войск на Кавказ или в Турцию. План предусматривал как оборону северного Ирака, так и вступление британских войск в северный Иран. Секретность штабных разработок сохранить не удалось. Практически сразу об этом стало известно египетскому королю Фаруку. И он, обеспокоенный судьбой своего родственника-шаха (сын и наследник которого был женат на его дочери) через посла в Тегеране в конце июня проинформировал Резу-шаха о деталях намечавшейся военной операции против Ирана. (*Stewart R. A.* Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N.Y., 1988. P. 57).
- ³² АВП РФ. Ф. 094. Оп. 26. П. 331. Д. 5. Л. 299–300 ; ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 86–87
- ³³ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 116–117.
- ³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. М., 2014. С. 148.
- ³⁵ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 128.
- ³⁶ Дипломатический вестник. 1993. № 21–22. С. 74–77.
- ³⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны (далее – Переписка Председателя Совета Министров СССР...) : в 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 17.
- ³⁸ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 120.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 120–121.
- ⁴¹ Там же. С. 121–122.
- ⁴² Там же. С. 122–123.
- ⁴³ Там же. С. 123.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ С. Криппс не только доложил А. Идену о переговорах с советским руководством, но и посоветовал своему министру «побудить советское правительство подкрепить дипломатический демарш концентрацией войск на северной иранской границе» и предложил, чтобы британцы обдумали инсценировку подобной военной угрозы вдоль южной иранской границы. (The National Archives of Great Britain, FO 371/27230/E3707).
- ⁴⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 18.
- ⁴⁷ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV С. 129–131.
- ⁴⁸ Там же. С. 132.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.
- ⁵¹ Советско-английские отношения ... Т. 1. С. 82
- ⁵² О военном аспекте рассматриваемых событий см.: *Голуб Ю. Г.* 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4 ; *Он же.* Малоизвестная страница великой войны : советская оккупация Северного Ирана в августе–сентябре 1941 г. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf> ; *Любин Д. М.* Ввод Красной армии в Иран летом-осенью 1941 года : Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005 ; *Оришев А. Б.* В августе 1941-го. М., 2011 ; *Холдеев Ф. П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.

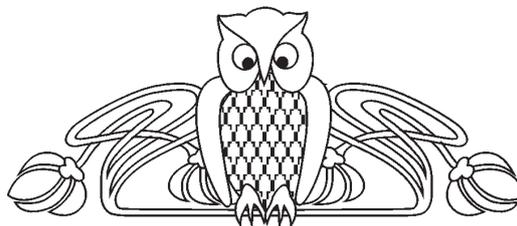
УДК 94(470.62/67).084.8|1941/1945|

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАСПАДА СОЮЗА ССР

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshv@mail.ru

В статье исследуется роль национальных движений депортированных народов в распаде Советского Союза. Анализируются программы национальных движений, главной целью которых было создание независимых национальных государств.

Сделан вывод о том, что позиция лидеров национальных движений в условиях резкого ослабления Центра и усиления республиканских национальных элит стала губительной для единого государства.

Ключевые слова: депортация, реабилитация, этнос, национальность, республика, межэтнический конфликт, автономия, независимость.